

КУЛЬТУРНАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 913:910.1

DOI: 10.37490/S221979310013894-6

А. Г. Манаков

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК РОДНОЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В СРАВНЕНИИ С ИТОГАМИ ПЕРЕПИСИ 1989 г.

В постсоветский период произошло значительное сужение пространства распространения русского языка. Целью исследования является выявление изменений, прошедших после распада Советского Союза на уровне стран постсоветского пространства в численности и доле людей, называющих родным русский язык. Новизной исследования является расчёт на уровне регионов постсоветского пространства и анализ динамики такого показателя, как доля нерусского населения, называющего русский язык родным. Почти во всех постсоветских государствах произошло уменьшение численности и доли русскоязычного населения. Ныне минимальными показателями удельного веса русских и русскоязычных характеризуются государства Закавказья, а также Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. Самые большие потери в постсоветский период как русского, так и русскоязычного населения, в относительных величинах испытали Казахстан и Кыргызстан. Особая динамика данных показателей сложилась в двух государствах — в Республике Беларусь и Украине. В этих странах часть биэтнического населения, принимающая идентичность титульного этноса, сохраняла русскоязычие. В результате, например, на Украине уменьшение численности и доли русского населения происходило быстрее, чем категории людей, считающих родным русский язык. Уникальная на постсоветском пространстве ситуация сложилась в Республике Беларусь, ставшая следствием референдума 1995 г., закрепившего за русским языком статус государственного. В итоге, вместе с уменьшением численности русского населения в Республике Беларусь произошёл значительный рост категории граждан, называющих родным русский язык.

***Ключевые слова:** русское языковое пространство, постсоветские государства, доля русских, русскоязычные, биэтнофоры.*

Введение. Русское языковое пространство, под которым чаще всего понимается основной географический ареал распространения русского языка, является весьма многогранным объектом исследования, изучаемым с позиции разных наук. Этносоциологи обычно обращают внимание на множественность показателей, характеризующих распространённость русского языка. Это, например, доля населения, свободно владеющего русским языком, или же оценка степени использования русского языка в различных сферах жизни. Но даже в характеристике владения русским языком выделяется несколько ступеней. Уровень владения русским языком обычно определяется с помощью социологических опросов, и намного реже — переписей населения. Нуж-

но отметить, что на постсоветском пространстве почти сразу после распада СССР стал проводиться мониторинг, включающий отслеживание динамики доли населения молодых государств, в той или иной степени владеющих русским языком. В частности, можно привести примеры таких исследований, как «Положение русского языка в новых независимых государствах (страны СНГ и Балтии)» (2007 г.)¹, «Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространённости» (2009 г.)², «Динамика распространённости русского языка в бытовом общении населения стран Северной Евразии» (2018)³ и др., большинство которых проведено в рамках регулярного проекта «Евразийский монитор».

Данные исследования дают возможность оценить текущую ситуацию по использованию русского языка, они же включают и анализ динамики показателей за определённые временные интервалы, позволяющий делать прогнозы. Но авторы докладов по итогам реализации этих проектов подчёркивают, что все параметры распространённости русского языка, используемые и описываемые в отчётах, всё-таки имеют субъективную природу. Статистически более надёжным показателем, фиксируемым при проведении переписей населения, является доля населения, считающего русский язык родным. Хотя данный показатель не может характеризовать русское языковое пространство в целом, но он позволяет количественно оценить динамику за постсоветский период базового компонента в вертикальной структуре языкового пространства, соответствующего удельному весу русскоязычного населения в новых независимых государствах.

Цель исследования — проследить изменения в численности и доле людей, считающих родным русский язык, в разных постсоветских государствах за период, прошедший после распада Советского Союза.

Информационная база исследования. В качестве информационной базы исследования выступает представленная на сайте demoscope.ru⁴ статистика по национальному составу и родному языку населения советских республик по итогам последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., Всероссийской переписи населения 2010 г.⁵, а также статистика по национальному составу и родному языку населения других стран постсоветского пространства по итогам переписей населения, состоявшихся в первом и начале второго десятилетия XXI в., представленная на сайте

¹ Русскоязычие распространено не только там, где живут русские. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema03.php#_FNR_4 (дата обращения: 17.01.2021).

² Русский язык на постсоветском пространстве: сравнительное исследование распространённости. Аналитический отчет по результатам вторичного анализа данных. АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/0e2/090311.pdf> (дата обращения 17.01.2021).

³ Задорин И. В., Подобед И. В. Динамика распространённости русского языка в бытовом общении населения стран Северной Евразии (по данным многолетних опросов в рамках проекта «Евразийский монитор»), 2018. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/3ee/dinamika-rasprostranennosti-russkogo-yazyka-v-bytovom-obshchenii.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения СССР по национальности и языку, населения союзных республик по наиболее многочисленным национальностям и языку. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89.php; Всероссийская перепись населения 2010 г. Национальный состав населения Российской Федерации. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_10.php (дата обращения: 10.12.2020).

⁵ Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по субъектам Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. С. 240–305.

Population statistics of Eastern Europe & former USSR⁶, официальных статистических сайтах государств⁷, в сборниках и аналитических отчётах⁸.

В исследование была включена статистика по русскому языку как родному по итогам переписей населения раунда 2009–2014 гг. по следующим восьми государствам постсоветского пространства: Российской Федерации (2010 г.), Республике Беларусь (2009 г.), Эстонии (2011 г.), Литве (2011 г.), Латвии (2011 г.), Казахстану (2009 г.), Кыргызстану (2009 г.), Молдове (2014 г., в Приднестровской Молдавской республике перепись была в 2015 г.). В остальных республиках удельный вес русского населения ныне является крайне низким, и он мало отличается от доли населения, называемого родным русский язык.

Степень изученности проблемы. К настоящему времени накопился значительный массив работ, посвящённых проблематике русского языкового пространства в постсоветский период. Многочисленные публикации освещают вопросы функционирования русского языка в отдельных государствах ближнего зарубежья или же группах постсоветских стран. В качестве примера можно привести работы, где данные вопросы рассматриваются в странах Балтии [16; 38], Республике Беларусь [6; 25], на территории Украины [19; 23; 35], в Молдове [7; 13], государствах Закавказья [3], отдельных странах Центральной Азии [22; 27; 33; 39] или в пределах всего Центрально-Азиатского макрорегиона [8; 21; 34]. Кроме того, обращается внимание на роль русского языка в формировании общероссийской идентичности [10].

Также имеется значительный пласт публикаций, посвящённых разным аспектам развития и функционирования русского языка в пределах всего постсоветского пространства. Так, значительное место отводится рассмотрению роли русского языка в формировании единого информационного пространства СНГ [26], межкультурному диалогу на постсоветском пространстве [11; 12]. Имеются работы общего плана, где акцентируется внимание на сужении русскоязычного пространства в постсоветское время [24; 29; 30]. Данная проблема иногда затрагивается в процессе изучения миграционной активности русскоязычного населения на постсоветском пространстве [15; 37], или же языковой идентичности населения стран ближнего зарубежья [14].

Особо нужно отметить, что в последнем десятилетии стало больше работ, обращающих внимание на различный статус русского языка в связи с разной языковой политикой стран ближнего зарубежья [2; 4]. Растёт число публикаций, рассматривающих русский язык как геополитический инструмент, фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве [1; 9; 28; 31]. На этом фоне особое внимание обращается на роль русского языка в интеграционных процессах на постсоветском пространстве

⁶ Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 10.12.2020).

⁷ Eesti Statistika. [Электронный ресурс]: URL: <https://andmed.stat.ee/et/stat>; Центральное статистическое бюро Латвии. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.csb.gov.lv/en/statistics/statistics-by-theme/population>; Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Итоги переписи населения 2009. [Электронный ресурс]: URL: https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-byulleteni/index_540/; Национальное бюро статистики республики Молдова. [Электронный ресурс]: URL: <https://statistica.gov.md/pageview.php?l=ru&idc=295&id=2234>

⁸ Русский язык как родной в Литве, 2011. [Электронный ресурс]: URL: <https://schelkunov.livejournal.com/29016.html>; Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. [Электронный ресурс]: URL: <https://yvision.kz/post/89105>; Итоги переписи населения Республики Кыргызстан 2009 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.stat.kg/media/files/9cd9d7ee-78f0-413e-885d-80f914049ebf.pdf> (дата обращения: 10.12.2020).

[5], в частности, в ходе евразийской интеграции [32]. Русский язык рассматривается также как средство коммуникации в странах «Великого шёлкового пути» [20].

Подготовительным этапом к изучению данной темы был проведённый нами анализ постсоветской динамики русского населения в регионах России [36] и европейских странах ближнего зарубежья [18]. Также нами была предпринята попытка рассмотрения русского языкового пространства как отражения процессов этнокультурного преобразования территорий в составе единого государства [17]. В последней статье использовался такой показатель, как удельный вес населения, называющего родным русский язык. Также эту категорию людей обычно называют «русскоязычными» или «русскоговорящими», и именно на них будет сконцентрировано внимание в данной статье как на базовом компоненте вертикальной структуры русского языкового пространства.

Результаты исследования. Характеристика русскоязычного населения в конце советского периода. В 1989 г. состоялась последняя Всесоюзная перепись, итоги которой используются для анализа изменений в структуре населения, произошедших в постсоветский период. В Советском Союзе, согласно итогам переписи 1989 г., проживало 285 млн 742,5 тыс. чел., и чуть более половины этой численности составляли русские — 50,8 %. Удельный вес населения, называющего родным русский язык, был несколько больше — 57,2 %, причём доля нерусского населения, пополнившего эту категорию, составляла 13,3 %. Распределение русскоязычного населения по советским республикам, в первую очередь, зависело от доли русских в их населении (рис. 1).

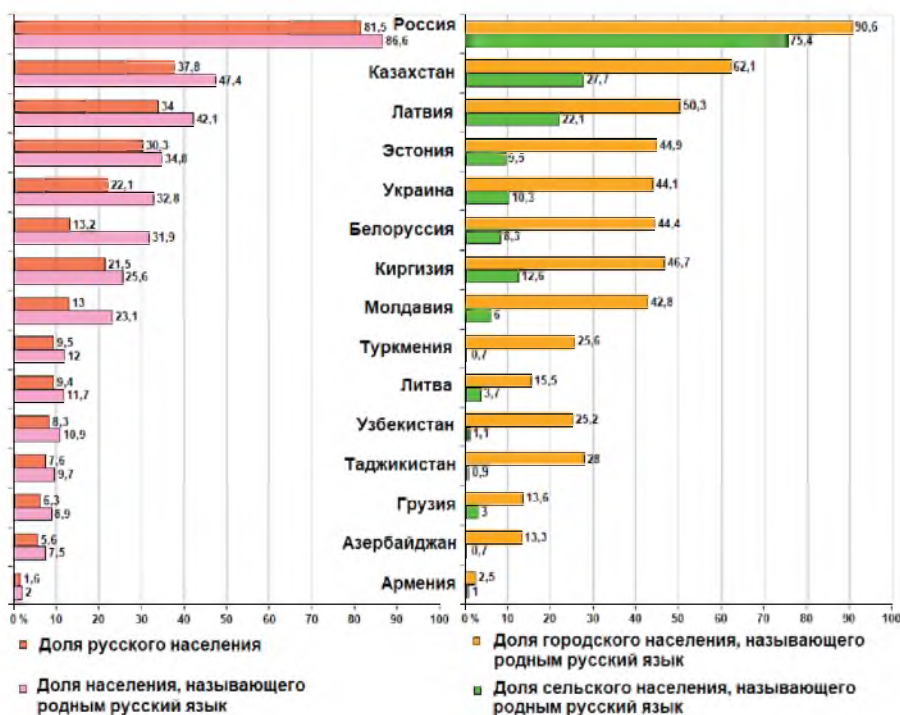

Рис. 1. Удельный вес русских в населении советских республик, а также населения, в т. ч. городского и сельского, называющего родным русский язык (по итогам переписи 1989 г., %)

Из этой закономерности выпадала только Белоруссия, занимающая шестое место по доле русскоговорящих (31,9 %) и седьмое место — по доле русских (13,2 %). Но именно в Белоруссии было наибольшее среди советских республик превышение доли русскоязычных над удельным весом русского населения (+18,7 %). Но по удельному весу русскоязычного населения, как и по доле русских, Белоруссию превосходили Казахстан, Латвия, Эстония и Украина. В первых двух республиках родным считали русский язык около половины населения, во вторых двух — примерно треть. Кроме того, доля русских была заметно выше в Киргизии. К республикам, где была достаточно высокая доля тех, кто называл родным русский язык (около четверти населения), относилась также Молдавия. В остальных советских республиках доля русскоязычного населения была небольшой, и лишь незначительно превышала долю русских. Самые низкие показатели при этом характеризовали республики Закавказья (минимум — в Армении, где доля русскоговорящих составляла всего 2 %).

Опираясь на рис. 1 можно увидеть, что русскоязычие во всех советских республиках в большей степени было распространено в городских поселениях, чем в сельской местности. Среди сельского населения русскоязычные составляли заметную долю (свыше пятой части населения) только в трёх республиках — в России, Казахстане и Латвии. В остальных республиках люди, называющие родным русский язык, в значительной степени концентрировались в городских поселениях. Об этом наглядно свидетельствует рис. 2.

Почти исключительно в городских поселениях проживали русскоязычные в Туркмении, Азербайджане, Узбекистане и Таджикистане. Наименьшую урбанизированность данная категория населения демонстрировала, кроме России, в Киргизии и Казахстане (как следствие освоения залежных и целинных земель). Тем не менее, во всех республиках уровень концентрации русскоязычного населения в городских поселениях значительно превосходил степень урбанизированности республик в целом.

Об удельном весе русскоязычных среди нерусского, в т. ч. титульного, населения советских республик свидетельствует рис. 3. Явными лидерами по данному показателю являлись Россия и Белоруссия (27,6 и 21,9 % соответственно). Также относительно высокая доля нерусского населения, называющего родным русский язык (свыше 10 %), характеризовала Казахстан, Украину, Латвию и Молдавию. Нужно обратить внимание на значительные различия между республиками в признании русского языка родным их титульными народами. Относительно высокой долей представителей титульных народов, называющих родным русский язык, отличались только Белоруссия и Украина, им в этом плане заметно уступали Молдавия и Латвия. В остальных республиках к этой категории населения относились почти исключительно представители других этнических групп.

Также на рис. 3 можно обратить внимание на высокий уровень урбанизированности нерусского населения, называющего родным русский язык. Так, например, в России 37 % нерусских жителей городских поселений (и только 14 % — сельских) считали русский язык родным. К русскоговорящим относился каждый третий среди нерусских жителей городских поселений в Белоруссии, четвёртый — в Молдавии, пятый — в Казахстане и Украине. В сельской местности среди нерусских жителей русскоязычные встречались в несколько раз реже. Кроме России, чуть повышена была доля представителей этой категории сельского населения в Казахстане, Латвии и Белоруссии.

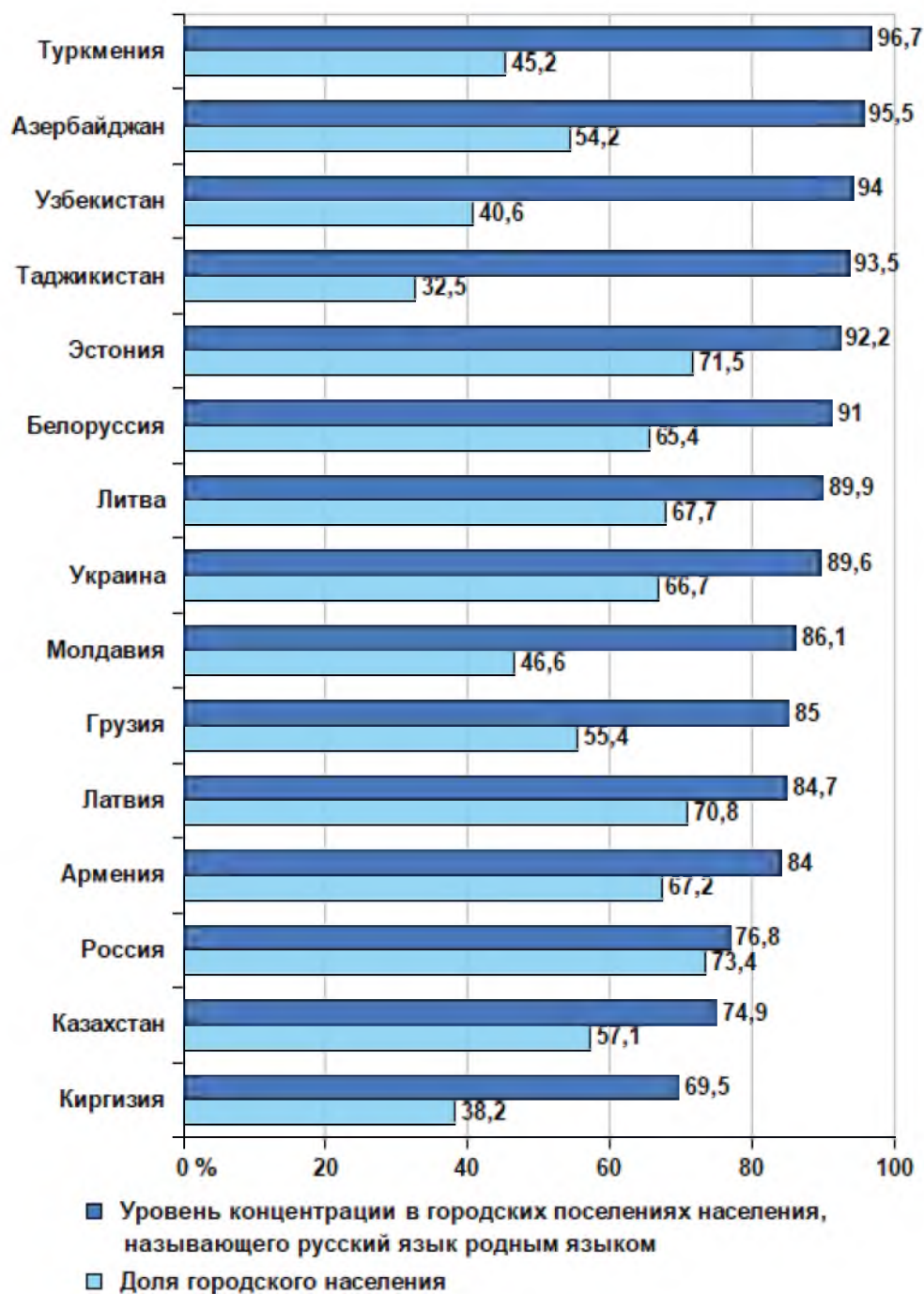

Рис. 2. Доля городского населения в советских республиках и концентрация в городских поселениях населения, называющего русский язык родным языком (по итогам переписи 1989 г., %)

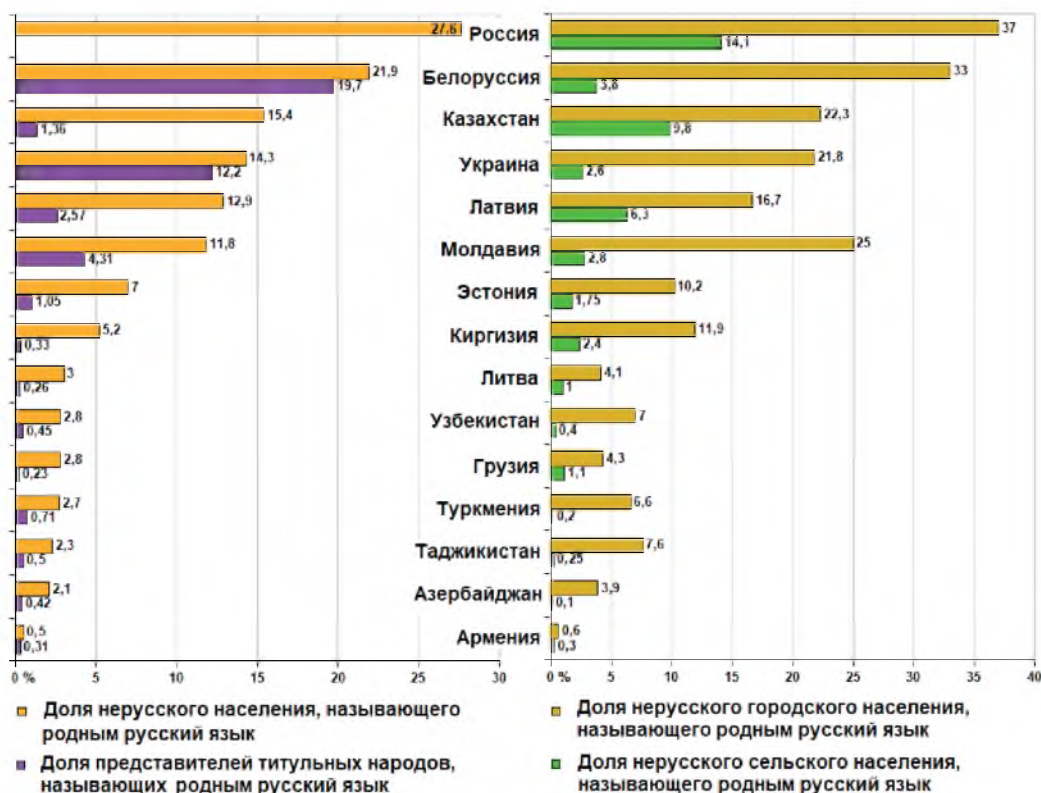

Рис. 3. Доля нерусского населения, в т. ч. городского и сельского, а также титульного населения советских республик, называющего родным русский язык (по итогам переписи 1989 г., %)

Динамика категории основных носителей русского языка с 1989 по 2010 гг.

Согласно нашей оценке, численность населения в пределах всего постсоветского пространства на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., составляла 288 млн чел., и по сравнению с 1989 г. население выросло на 2,4 %. На этом фоне все показатели, характеризующие русское и русскоязычное население, имеют отрицательную динамику. Так, русское население сократилось примерно на пятую часть, численность русскоязычных — на 21,6 %, и т. д. Соответственно, заметно уменьшились за постсоветский период относительные показатели — удельный вес русского населения и русскоязычных, в т. ч. среди нерусского населения (табл.).

Вместе с динамикой русского населения на изменение доли русскоязычных всё в большей степени влияет статус русского языка в новых независимых государствах. Так, в настоящее время статусом государственного русский язык обладает в Российской Федерации, Республике Беларусь (с 1995 г.), Республике Абхазии, Республике Южной Осетии и Приднестровской Молдавской Республике, официального языка — в Республике Казахстан, Кыргызской Республике, языка межнационального общения — в Республике Таджикистан, регионального языка национального меньшинства — в Украине, иностранного языка — в Эстонской Республике, Латвийской Республике, Литовской Республике, Республике Армении, Азербайджанской Республике, Грузии,

Туркменистане и Узбекистане [4]. В Республике Молдове в 2018 г. русский язык утратил статус языка межнационального общения и попытка его восстановления в конце 2020 г. закончилась неудачей.

Таблица

Динамика в пределах постсоветского пространства с 1989 по 2010 гг. (оценка) численности всего населения, русских и жителей, называющих родным русский язык

	1989 г.	2010 г. (оценка)	Динамика 2010/1989 гг. (оценка)
Численность всего населения, млн чел.	285,7	288,1	+2,4
Численность русского населения, млн чел.	145,2	124,7	-20,5
Численность населения, называющего родным русский язык, млн чел.	163,6	142,0	-21,6
Численность нерусского населения, называющего родным русский язык, млн чел.	18,7	17,3	-1,4
Доля русского населения, %	50,8	43,3	-7,5
Доля населения, называющего родным русский язык, %	57,2	49,3	-7,9
Доля нерусского населения, называющего родным русский язык, %	13,3	10,6	-2,7

На рис. 4. отражена динамика сразу трёх показателей в молодых государствах за период после распада Советского Союза: численности всего населения, численности русских, а также численности населения, называющего родным русский язык.

Страны расположены в порядке уменьшения прироста численности населения. Лидерами по приросту населения в период с 1989 по 2010 гг. являются среднеазиатские государства (Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан), а также Азербайджан. Эти же страны характеризуются двукратным и более (до 91 % в Таджикистане) сокращением численности русского населения. Причины роста населения этих государств и сокращения численности русских в них нами были раскрыты ранее [36]. Благодаря высокому естественному приросту произошёл взрывной рост численности титульного населения молодых государств, в то время как русское население в них испытывало миграционный отток и естественную убыль.

В остальных государствах постсоветского пространства произошло сокращение населения, которое при этом сопровождалось более значительным (за исключением Республики Беларусь) уменьшением численности русского населения. Лидерами по сокращению русского населения в этой группе стран являлись государства Закавказья (Грузия и Армения), где в советское время и без того была крайне низкая численность и доля русских. Примерно в два раза уменьшилась численность русских в Молдове, Литве и Украине. На этом фоне не столь значительное уменьшение русского населения можно было наблюдать в Латвии и Эстонии (на 38,5 и 27,9 % соответственно). Факторами сокращения численности русских в этой категории стран в постсоветское время являются, в первую очередь, миграционный отток русских и их естественная убыль. Но особенно нужно выделить три страны (Беларусь, Украина и Молдова), где значительную роль сыграла смена этнического самосознания части русских в пользу титульных этносов [18].

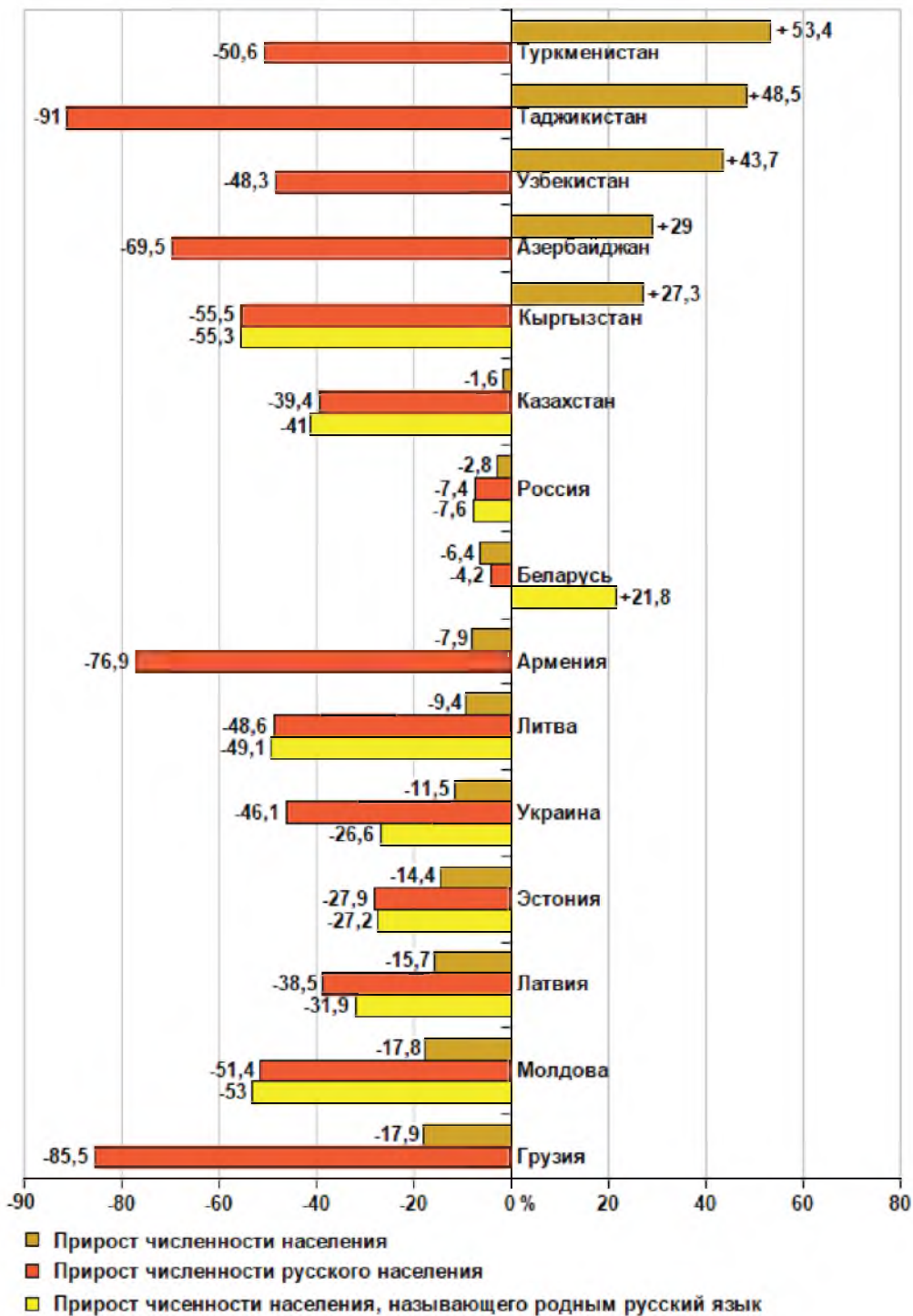

Рис. 4. Прирост с 1989 по 2010 гг. численности всего населения, русских и населения, называющего родным русский язык (оценка) в государствах постсоветского пространства, %

На рис. 4 можно увидеть, что в большинстве стран динамика русского населения мало отличается от динамики категории людей, которые считают родным русский язык. Исключение составляют три государства — Беларусь, Украина и Латвия. Каждый из этих трёх случаев требует отдельных комментариев. Так, в Республике Беларусь, вместе с уменьшением численности русского населения, отмечился значительный рост (на 21,8 %) категории граждан, называющего родным русский язык. Это исключительный случай на всём постсоветском пространстве. Даже в России сокращение численности русских сопровождалось уменьшением русскоязычного населения. Значительную роль в этом сыграло принятие на референдуме в 1995 г. в Республике Беларусь статуса русского языка как государственного. Это позволило двуязычным гражданам Республики Беларусь не связывать напрямую этническую и языковую идентичность. Так, при сохранении тренда к увеличению населения с белорусским этническим самосознанием, значительно выросла численность тех, кто называл родным русский язык. Эта же тенденция сохранилась и в период между переписями населения 2009 и 2019 гг.

На Украине из-за низкого статуса русского языка численность людей, которые называют русский язык родным, сократилась более чем на четверть. Здесь наблюдался следующий процесс — происходящая смена этнического самосознания части русского населения (включая часть биэтнофоров, называющих себя русскими) и русскоязычных представителей других этнических групп в пользу титульного этноса опережала языковую ассимиляцию. Другими словами, часть русских, формально сменивших свою национальность на титульную, оставалась в категории русскоязычных. В итоге разница между сокращением доли русских (согласно этнической идентичности) и русскоговорящих (по языковой идентичности) составила около 20 %.

В Латвии численность русского населения также сокращалась быстрее, чем количество русскоязычных. В этой стране ведущим фактором динамики разных групп населения являлся миграционный отток на фоне мало отличающейся по разным этническим группам естественной убыли. Последнее означает, что миграционный отток русских был несколько больше, чем отток и ассимиляция русскоговорящих представителей других этнических групп (белорусов, поляков, евреев и др.), обычно имеющих достаточно длительную историю проживания на территории Латвии.

В некоторых государствах постсоветского пространства (Казахстан, Литва, Молдова) наблюдалась противоположная ситуация — численность русскоязычных уменьшалась быстрее, чем русских. Можно предположить, что в этих странах миграционный отток и ассимиляция русскоговорящих представителей других этнических групп была несколько больше, чем русского населения.

На рис. 5 отображена доля русских и русскоязычных на 2010 г. (в большинстве стран — оценка) и динамика этих долей с 1989 по 2010 гг.

В большинстве стран доля русскоязычных уменьшилась больше, чем русских, исключение составили рассмотренные выше Украина и Беларусь. Самые большие потери русских и русскоговорящих в относительных величинах характеризовали Казахстан и Кыргызстан. Значительная часть стран постсоветского пространства почти полностью лишилась русского населения. В первую очередь, это государства Закавказья (Армения, Грузия и Азербайджан) с самой низкой долей русских в настоящее время, во вторую очередь, тройка среднеазиатских стран (Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан).

Для девяти государств постсоветского пространства был рассчитан такой показатель, как доля нерусского населения, называющего родным русский язык. Далее было проведено сравнение данного показателя за 1989 и 2010 гг. (рис. 6).

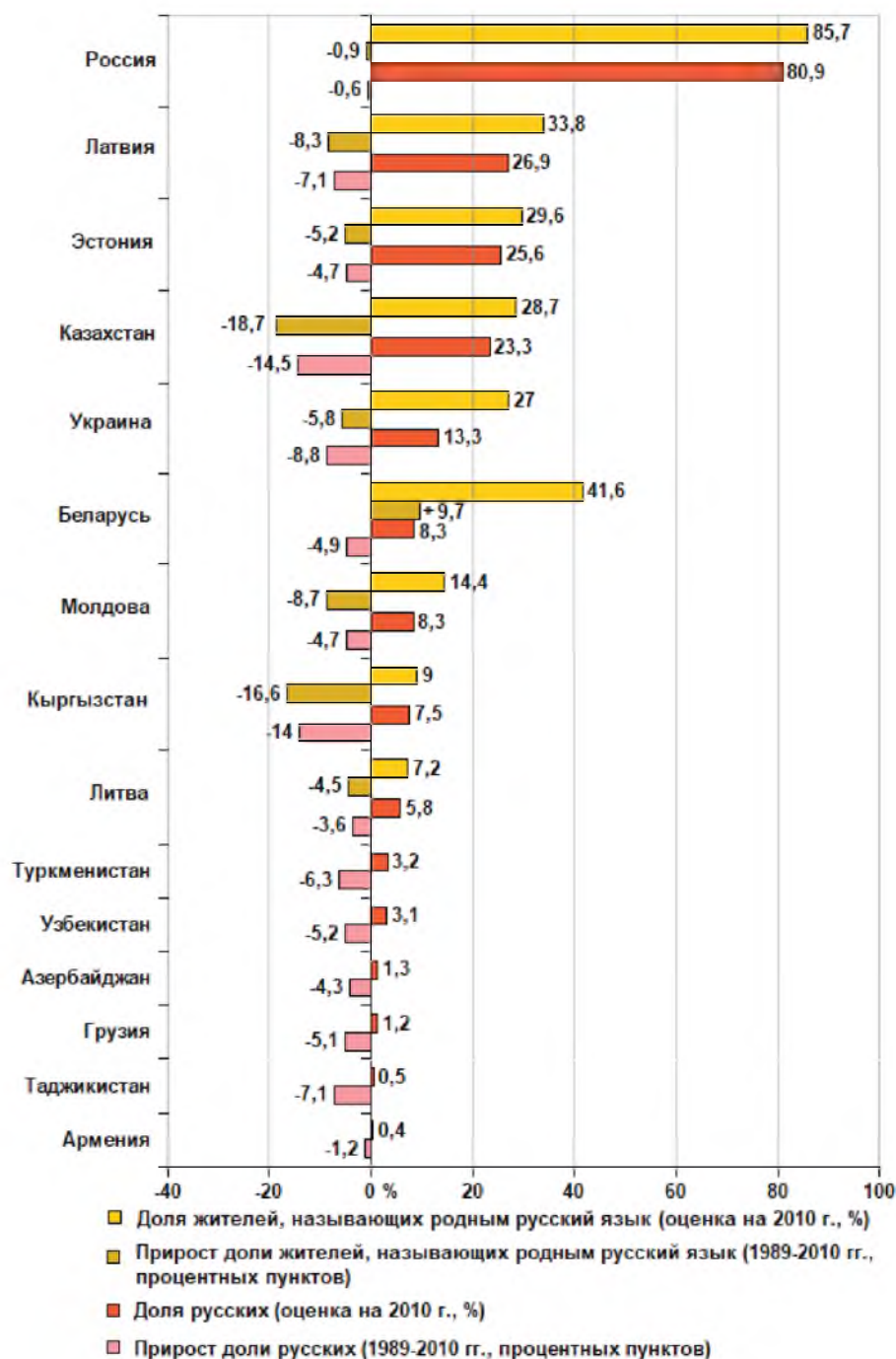

Рис. 5. Доля русских и населения, называющего родным русский язык, по государствам постсоветского пространства в 2010 г. и динамика долей с 1989 по 2010 гг. (оценка)

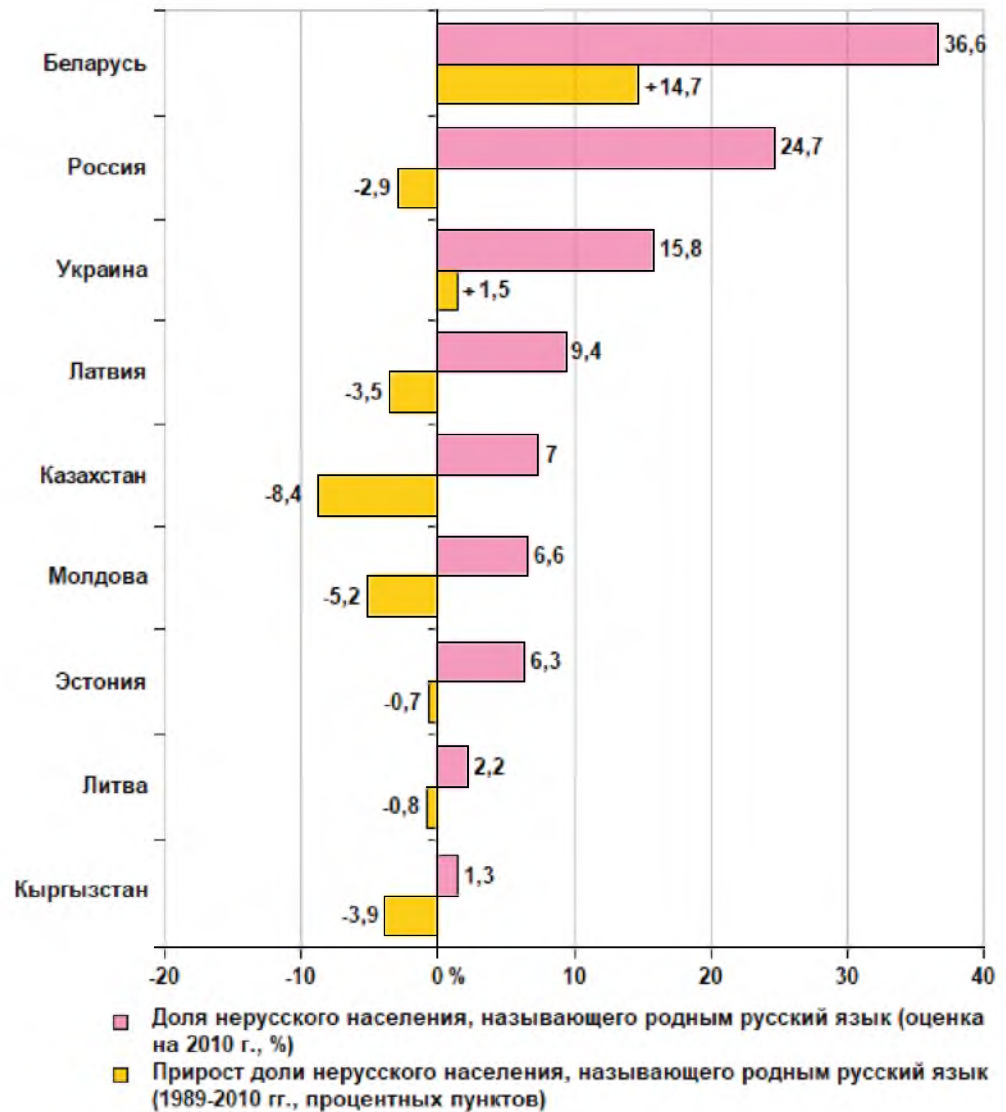

Рис. 6. Доля нерусского населения, называющего родным русский язык, по государствам постсоветского пространства в 2010 г. и прирост этой доли с 1989 по 2010 гг. (оценка)

В некоторых случаях по данному показателю можно судить об удельном весе русскоговорящих среди титульного населения молодых государств. Это относится, в первую очередь, к Республике Беларусь и Украине. Сразу же нужно отметить, что за постсоветское время в этих государствах выросла доля нерусского населения (преимущественно белорусов и украинцев), называющих родным русский язык. В обоих случаях это связано с принятием частью билингвов (или биэтнофоров), ранее называющих себя русскими, идентичности титульного этноса, но с сохранением русской языковой идентичности. При этом в Республике Беларусь, по итогам переписей 2009 и 2019 гг., выбор в пользу русского языка как родного стали делать и те белорусы, которые в советское время и в 1990-е гг. отдавали предпочтение белорусскому языку.

В остальных постсоветских странах на величине данного показателя в большей степени отражается удельный вес представителей этнических групп, проживающих вне своего национального государства и традиционно в общении использующих русский язык. Это, например, украинцы, белорусы, татары и целый ряд других народов, проживающих в России, Латвии, Казахстане, Молдове и т. д. Представители титульных народов в этих государствах значительно реже попадают в данную категорию. Даже в 1989 г. представители титульных этносов, называющие родным русский язык, составляли свыше 1 % только в шести советских республиках, в остальных республиках данный показатель составлял менее 0,5 % (см. рис. 3). Поэтому на 2010 г. последний показатель не рассчитывался отдельно.

На рис. 7 отображено распределение регионов стран постсоветского пространства по удельному весу населения, называющего родным русский язык (оценка на 2010 г.). Именно варьирование данного показателя по регионам является главным фактором принятия русского языка как родного представителями титульных этносов и других этнических групп в молодых государствах, о чём свидетельствует распределение регионов по доле нерусского населения, называющего родным русский язык, представленное на рис. 8.

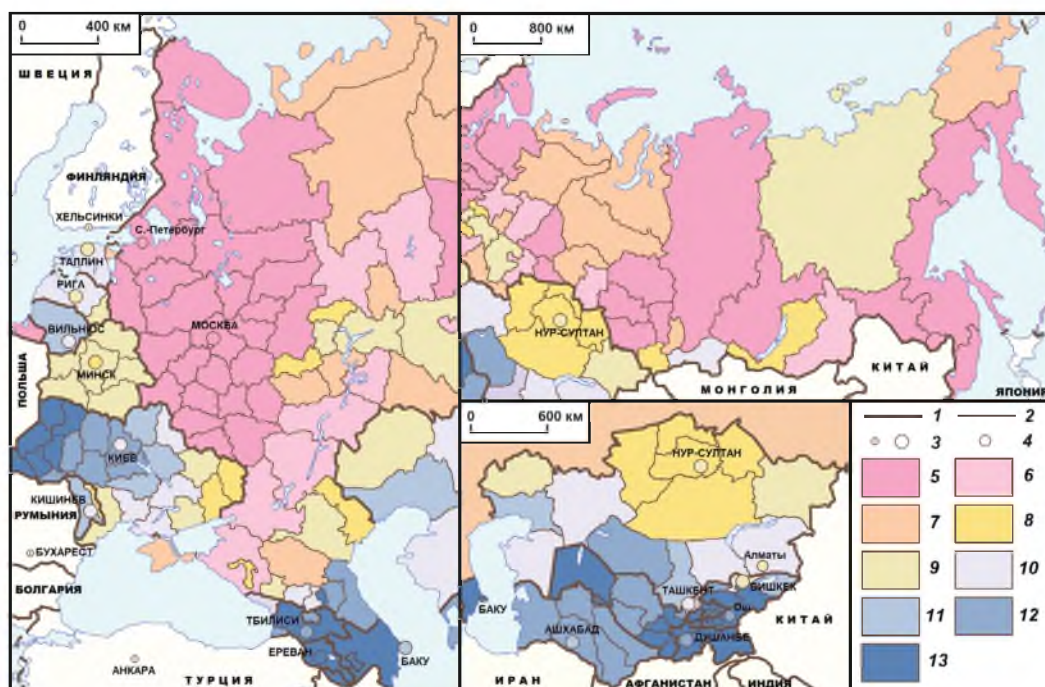

Рис. 7. Доля населения, считающего родным русский язык (оценка на 2010 г.)

Цифрами обозначены: 1 — современные государственные границы; 2 — границы регионов и непризнанных государственных образований; 3 — столицы государств; 4 — другие города; доля населения, считающего русский язык родным языком, %: 5 — 95 и более, 6 — от 90 до 95, 7 — от 75 до 90, 8 — от 50 до 75, 9 — от 25 до 50, 10 — от 10 до 25, 11 — от 5 до 10, 12 — от 2 до 5, 13 — менее 2.

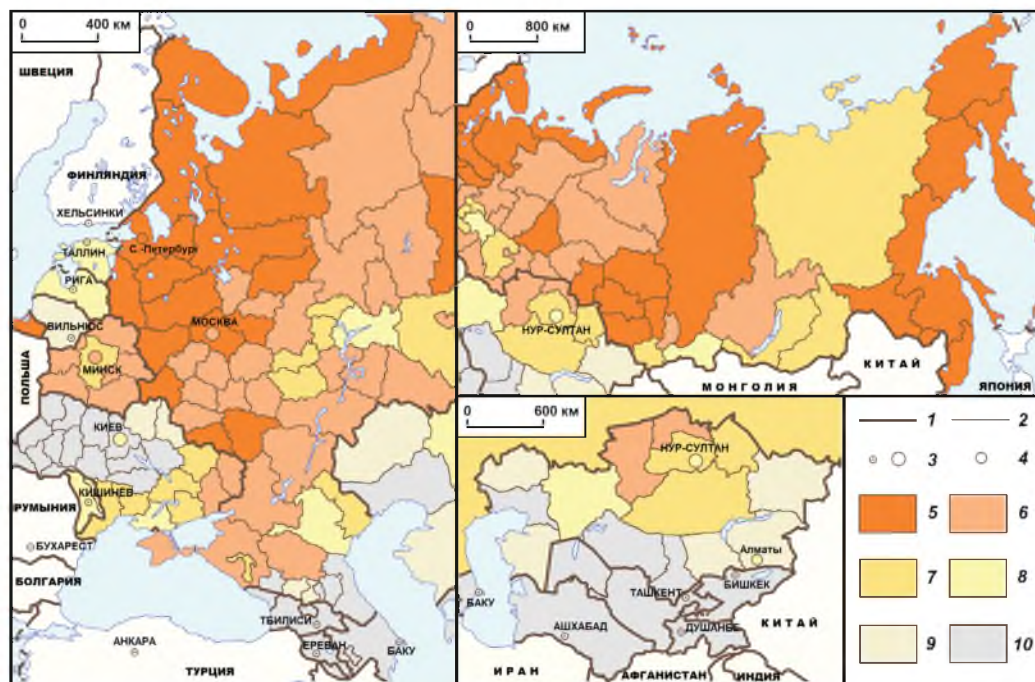

Рис. 8. Доля нерусского населения, называющего родным русский язык (оценка на 2010 г.) Цифрами обозначены: 1 — современные государственные границы; 2 — границы регионов и непризнанных государственных образований; 3 — столицы государств; 4 — другие города; удельный вес нерусского населения, называющего русский язык родным языком, %: 5 — более 50, 6 — от 25 до 50, 7 — от 10 до 25, 8 — от 5 до 10, 9 — от 2 до 5, 10 — менее 2 или нет сведений.

Выводы. После распада Советского Союза произошло значительное уменьшение населения, считающего русский язык родным. Так, с момента проведения последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. до рубежа первого и второго десятилетий XXI в. численность русскоязычного населения сократилась более чем на 20 млн чел., а их доля уменьшилась с 57 до 49 % от всего населения постсоветского пространства. Среди нерусского населения доля тех, кто считает русский своим родным языком, за это время сократилась с 13,3 до 10,6 %. Региональная дифференциация русскоязычного населения в значительной степени влияет на удельный вес представителей нерусского населения, считающих родным русский язык.

Самые большие потери как русского населения, так и русскоязычных жителей в относительных величинах характеризовали Казахстан и Кыргызстан. Значительная часть стран постсоветского пространства почти полностью лишилась русского населения. Наиболее низка доля русских (менее 1,5 %) ныне в четырёх государствах постсоветского пространства — в Армении, Таджикистане, Грузии и Азербайджане. В постсоветское время уменьшение количества русскоязычных в основном шло в той же пропорции, что и русского населения. Исключение составили две страны постсоветского пространства — Украина и Республика Беларусь.

На Украине уменьшение численности и доли русского населения происходило быстрее, чем категории людей, считающих родным русский язык. По причине низ-

кого статуса русского языка численность русскоязычных граждан Украины сократилась более чем на четверть, однако количество русских в то же время уменьшилось почти вдвое. Здесь происходил ускоренный процесс смены этнического самосознания частью русского населения (включая биэтнофоров, называющих себя русскими) и русскоязычных представителей других этнических групп в пользу титульного этноса, который заметно опережал языковую ассимиляцию. Поэтому обозначился даже небольшой рост доли представителей титульного этноса, считающих родным русский язык.

Уникальная ситуация сложилась в Республике Беларусь, где вместе с уменьшением численности русского населения произошёл значительный рост категории граждан республики, называющих родным русский язык. Это стало исключительным явлением в пределах всего постсоветского пространства. Большую роль в этом сыграло принятие в Республике Беларусь на референдуме в 1995 г. статуса русского языка как государственного. Последнее позволило билингвальному населению не связывать напрямую этническую и языковую идентичность. С одной стороны, здесь сохранялась тенденция к увеличению населения с белорусским этническим самосознанием, с другой стороны, среди самих белорусов росла доля тех, кто называет родным русский язык.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

Литература

1. Алексеев Р. А., Федорченко С. Н. Государственная политика Российской Федерации в области популяризации русского языка на территории стран СНГ и Балтии // Социальная политика и социальное партнёрство. 2014. № 8. С. 67–71.
2. Арутюнова М. А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 155–178.
3. Бальбеков Р. Ю., Чурилов Э. В. Функционирование русского языка в странах бывшего СССР (на примере республик Закавказья) // Мир в языке и культуре. Доклады XXVIII Осенней школы и XXVIII Международной научной конференции. Сер. «Концептуальный и лингвальный мир», 2017. С. 124–133.
4. Боженкова Н. А., Пантелева А. П. Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 6–15.
5. Болтовский С. О. Сохранение и развитие русского языка в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Московский государственный областной университет. М., 2012. 28 с.
6. Був А. Л., Буховец О. Г. Государственный билингвизм. положение русских и русскоязычные в Республике Беларусь // Современная Европа. 2018. № 3 (82). С. 71–82. DOI: 10.15211/soveurope320187182.
7. Грачев М. А., Рябой Е. С. Изменения статуса русского языка в Республике Молдова: внутренние наблюдения и со стороны // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2020. Т. 16. № 2 (48). С. 55–63.
8. Евдокимов А. Н., Давыдова Т. А., Савкин Д. А. Русский язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 3. С. 373–388. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388>.
9. Иванченко В. С., Чимирис Е. С. Русский язык на постсоветском пространстве как фактор политики // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 8 (60). С. 2473–2486. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.60.8.012>.

10. *Икиликян С. Г.* Роль русского языка в формировании общероссийской идентичности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 3 (195). С. 14–18.
11. *Карапетян Е. А.* Роль русского языка в межкультурном диалоге на постсоветском пространстве // Диалогическая этика. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Ю. П. Ветров. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2016. С. 49–52.
12. *Карапетян Е. А.* Русский язык в системе междивизиационных связей на постсоветском пространстве // Проблемы цивилизационного развития России: характер, факторы и пути решения. Материалы I Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей. Армавирский механико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», кафедра гуманитарных дисциплин. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2016. С. 59–63.
13. *Краснов Л. Н.* Трансформация политико-правового статуса русского языка в Республике Молдова в контексте приднестровского конфликта // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2017. № 1 (19). С. 40–45.
14. *Летняков Д. Э.* Языковая политика и языковая идентичность на постсоветском пространстве: случай русского языка // Культура. Политика. Понимание (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир). Материалы IV международной научной конференции. Белгород: Издательство: Издательский дом «Белгород», 2016. С. 68–76.
15. *Максимова С. Г., Шерматова С. Н., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е.* Миграционная активность русскоязычного населения и функционирование русского языка в государствах — участниках Содружества независимых государств // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 3. С. 151–171.
16. *Манаев А. С.* Русский язык и законодательство стран Балтии // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2012. № 9 (272). С. 52–60.
17. *Манаков А. Г., Данилкина Н. В.* Русское языковое пространство как отражение процессов этнокультурного преобразования территорий в составе единого государства // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152. № 6. С. 3–15. <https://doi.org/10.31857/S086960712006004X>.
18. *Манаков А. Г.* Территориальные различия в доле русских в постсоветских странах Восточной Европы и Балтии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 2. С. 179–190. <https://doi.org/10.31857/S2587556620020090>.
19. *Митрофанова И. В., Суций С. Я.* Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58. <https://doi.org/10.7868/S0132162517080050>.
20. *Молодов О. Б.* Русский язык как средство коммуникации в странах Великого шёлкового пути (на примере Центральной Азии) // International symposium on “Culture dialogue of the silk road countries”. Atatürk Üniversitesi, 2016. С. 397–400.
21. *Молодов О. Б.* Формирование нового этнолингвистического пространства стран Центральной Азии // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. Материалы международной научной конференции посвящённой 20-летию Бурятского государственного университета / Науч. ред. В. В. Башкеева, М. В. Бадмаева. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2015. С. 47–50. <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-0814-2-47-50>.
22. *Мукаш уулу Т.* Интеграция русского языка в Кыргызстане // Вестник Международного университета Кыргызстана. 2019. № 1 (38). С. 70–72.
23. *Раина О. В., Хмелевский М. С.* Языковая ситуация в современной Украине: официальная политика и действительность // Актуальные проблемы современной науки. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-методической конференции. Владикавказ: Общество с ограниченной ответственностью Научно-производственно-коммерческое предприятие «Мавр» 2019. С. 245–251.
24. *Самсонов Н. Г.* Русский язык в странах СНГ и Балтии // Вестник Якутского государственного университета. 2006. Т. 3. № 2. С. 67–73.
25. *Старичёнок В. Д.* Русский язык в Беларуси: состояние, перспективы // Слово.ру: балтийский акцент. 2012. № 2. С. 76–80.
26. *Сурма И. В.* Единое информационное пространство СНГ: 20 лет спустя // Вопросы безопасности. 2015. № 5. С. 41–58. <https://doi.org/10.7256/2409-7543.2015.5.17473>.
27. *Тагаев М. Д.* Билингвальное языковое сознание и типы языковых личностей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4–4 (64). С. 224–228.

28. Тертри Д. Русский вопрос в постсоветский период // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. № 1. С. 43–56. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.104>.
29. Тишков В. А. Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии // Вестник Российской академии наук. 2008. Т. 78. № 5. С. 415–422.
30. Тодорова И. Д. Специфика русского языка в постсоветских государствах // Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование. Материалы V Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ / Сост. У. М. Бахтикиреева. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 148–152.
31. Филимонов Г. Ю. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 1. С. 67–82.
32. Худоренко Е. А. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции // Политическая наука. 2020. № 2. С. 163–182. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.08>.
33. Цыряпкина Ю. Н. Русскоязычное население Ташкентской области в условиях «национализирующегося государства» (на примере города Ангрена) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–2 (80). С. 98–103. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2013\)4.2-20](https://doi.org/10.14258/izvasu(2013)4.2-20).
34. Fierman W. Trends of language use in prestige domains in Post-Soviet Central Asia // *Alatoo Academic Studies*. 2016. № 1. С. 35–42.
35. Khmelevskij M. S., Raina O. V. The Russian language in modern Central and Eastern Ukraine // Этнопедагогические ориентиры в поликультурной образовательной среде как основа формирования этнической толерантности. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 27–28 сентября 2019 г. / Отв. ред. С. Л. Михеева, О. А. Дмитриева. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2019. С. 47–52.
36. Manakov A. G. Spatial patterns in the transformation of the ethnic structure of the Russian population between the 1959 and 2010 censuses // *Geography and Natural Resources*. 2019. Vol. 40. No. 2. P. 106–114. <https://doi.org/10.1134/S1875372819020021>.
37. Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Maximova M. The Russian-speakers in the CIS countries: migration activity and preservation of the Russian language // *MATEC Web of Conferences*. 2018. Vol. 212. Art. no. 010005. 11 p. <https://doi.org/https://doi.org/10.1051/matecconf/201821210005>.
38. Sokolova E. O. The position of the Russian-speaking population and the status of Russian language in Baltic States // *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 415–419.
39. Zakirov A., Tashtemirov I. Sociolinguistic processes in modern Kyrgyzstan: monitoring and dynamics of development of languages after gaining independence // *Alatoo Academic Studies*. 2020. № 2 (2). С. 124–132. <https://doi.org/10.17015/aas.2020.202.14>.

References

1. Alekseev R. A., Fedorchenko S. N. (2014), State policy of the Russian Federation in the field of popularization of the Russian language in the CIS and Baltic countries, *Social'naya politika i social'noe partnyorstvo*, no. 8, pp. 67–71. (In Russ.).
2. Arutyunova M. A. (2012), Language policy and the status of the Russian language in the USSR and the states of the post-Soviet space, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodny`e otnosheniya i mirovaya politika*, no. 1, pp. 155–178. (In Russ.).
3. Balbekov R. Yu., Churilov E. V. (2017), Functioning of the Russian language in the countries of the former USSR (on the example of the Transcaucasian republics), *Peace in language and culture. Reports of XXVIII Autumn School and XXVIII International Scientific Conference. Ser. Conceptual and Lingual Worlds*, pp. 124–133. (In Russ.).
4. Bozhenkova N. A., Panteleeva A. P. (2019), Sociolinguistic review of the status of the Russian language in the post-Soviet communicative space, *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, vol. 9, no. 1 (30), pp. 6–15. (In Russ.).
5. Boltovsky S. O. (2012), *Preservation and development of the Russian language in the context of integration processes in the post-Soviet space*, Abstract of a dissertation for the degree of candidate of political sciences, Moscow State Regional University, Moscow, 2012. 28 p. (In Russ.).
6. Buev A. L., Bukhovets O. G. (2018), State bilingualism. position of Russians and Russian-speaking in the Republic of Belarus, *Sovremennaya Evropa*, no. 3 (82), pp. 71–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.15211/soveurope320187182>.

7. Grachev M. A., Ryaboy E. S. (2020). Changes in the status of the Russian language in the Republic of Moldova: internal observations and from the outside, *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, vol. 16, no. 2 (48), pp. 55–63. (In Russ.).
8. Evdokimov A. N., Davydova T. A., Savkin D. A. (2020), Russian language in Central Asia: current state and prospects, *Problemy' postsovetskogo prostranstva*, vol. 7, no. 3, pp. 373–388. (In Russ.). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388>.
9. Ivanchenko V. S., Chimiris E. S. (2020), Russian language in the post-Soviet space as a factor of politics, *Voprosy' politologii*, vol. 10, no. 8 (60), pp. 2473–2486. (In Russ.). <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.60.8.012>.
10. Ikilikyan S. G. (2017), The role of the Russian language in the formation of the all-Russian identity, *Izvestiya vy'sshix uchebny'x zavedenij. Severo-Kavkazskaj region. Obshhestvenny'e nauki*, no. 3 (195), pp. 14–18. (In Russ.).
11. Karapetyan E. A. (2016), The role of the Russian language in intercultural dialogue in the post-Soviet space, *Dialogue ethics. Materials of the international scientific and practical conference*, (ed.) Yu. P. Vetrov, Armavir, Armavir State Pedagogical University, pp. 49–52. (In Russ.).
12. Karapetyan E. A. (2016), Russian language in the system of intercivilizational ties in the post-Soviet space, *Problems of civilizational development of Russia: nature, factors and solutions. Materials of the I International scientific-practical conference of students, graduate students, teachers*, Armavir Mechanics and Technology Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State Technological University”, Department of Humanities, Armavir, Armavir State Pedagogical University, pp. 59–63. (In Russ.).
13. Krasnov L. N. (2017), Transformation of the political and legal status of the Russian language in the Republic of Moldova in the context of the Transnistrian conflict, *Evrazijskij Soyuz: voprosy' mezhdunarodny'x otoshenij*, no. 1 (19), pp. 40–45. (In Russ.).
14. Letnyakov D. E. (2016), Language policy and language identity in the post-Soviet space: the case of the Russian language, *Culture. Politics. Understanding (philosophical and political problems of identity: Russia and the modern world). Materials of the IV international scientific conference*, Belgorod, pp. 68–76. (In Russ.).
15. Maksimova S. G., Shermatova S. N., Omelchenko D. A., Noyanzina O. E. (2018), Migration activity of the Russian-speaking population and the functioning of the Russian language in member states of the Commonwealth of Independent States, *Society and Security Insights*, vol. 1, no. 3, pp. 151–171. (In Russ.).
16. Manaev A. S. (2012), Russian language and legislation of the Baltic countries, *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' — Observer*, no. 9 (272), pp. 52–60. (In Russ.).
17. Manakov A. G., Danilkina N. V. (2020), Russian linguistic space as a reflection of the processes of ethnocultural transformation of territories within a single state, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshhestva*, vol. 152, no. 6, pp. 3–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S086960712006004X>.
18. Manakov A. G. (2020), Territorial differences in the share of Russians in the post-Soviet countries of Eastern Europe and the Baltic, *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, no. 2, pp. 179–190. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S2587556620020090>.
19. Mitrofanova I. V., Sushchij S. Ya. (2017), Russians in Ukraine: geodemographic results of the post-Soviet period and medium-term prospects, *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 8 (401), pp. 45–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S0132162517080050>.
20. Molodov O. B. (2016), Russian language as a means of communication in the countries of the Great Silk Road (on the example of Central Asia), *International symposium on “Culture dialogue of the silk road countries”*, Atatürk Üniversitesi, pp. 397–400. (In Russ.).
21. Molodov O. B. (2015), Formation of a new ethnolinguistic space of the countries of Central Asia, *Eurasian paradigm of Russia: values, ideas, practice. Materials of the international scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the Buryat State University*, (eds.) V. V. Bashkeeva, M. V. Badmaeva, Ulan-Ude, Dorzhi Banzarov Buryat State University, pp. 47–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-0814-2-47-50>.
22. Mukash uulu T. (2019), Integration of the Russian language in Kyrgyzstan, *Vestnik Mezhdunarodnogo Universiteta Ky'rgy'zstana*, no. 1 (38), pp. 70–72. (In Russ.).
23. Raina O. V., Khmelevsky M. S. (2019), The language situation in modern Ukraine: official policy and reality, *Actual problems of modern science. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Methodological Conference*, Vladikavkaz, pp. 245–251. (In Russ.).

24. Samsonov N. G. (2006), Russian language in the CIS and Baltic countries, *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 3, no. 2, pp. 67–73. (In Russ.).
25. Starichyonok V. D. (2012), Russian language in Belarus: state, prospects, *Slovo.ru: baltiiskij akcent*, no. 2, pp. 76–80. (In Russ.).
26. Suma I. V. (2015), Common information space of the CIS: 20 years later, *Voprosy` bezopasnosti*, no. 5, pp. 41–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2409-7543.2015.5.17473>.
27. Tagaev M. D. (2015), Bilingual linguistic consciousness and types of linguistic personalities, *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–4 (64), pp. 224–228. (In Russ.).
28. Tertree D. (2017), Russian question in the post-Soviet period, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*, vol. 62, no. 1, pp. 43–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.104>.
29. Tishkov V. A. (2008), Russian language and Russian-speaking population in the CIS and Baltic countries, *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, vol. 78, no. 5, pp. 415–422. (In Russ.).
30. Todorova I. D. (2019), Specificity of the Russian language in the post-Soviet states, *Bi-, poly-, translinguism and language education. Materials of the V International Scientific and Practical Conference under the auspices of MAPRYAL*, comp. U. M. Bakhtikireeva, Moscow, RUDN, pp. 148–152. (In Russ.).
31. Filimonov G. Yu. (2012), Topical issues of the formation of the Russian potential of “soft power”, *Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Politologiya*, no. 1, pp. 67–82. (In Russ.).
32. Khudorenko E. A. (2020), Language policy of Russia in the context of Eurasian integration, *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 163–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.08>.
33. Tsyryapkina Yu. N. (2013), The Russian-speaking population of the Tashkent region in the conditions of the “nationalizing state” (for example, the city of Angren), *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–2 (80), pp. 98–103. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2013\)4.2-20](https://doi.org/10.14258/izvasu(2013)4.2-20).
34. Fierman W. (2016), Trends of language use in prestige domains in Post-Soviet Central Asia, *Alatoo Academic Studies*, no. 1, pp. 35–42.
35. Khmelevskij M. S., Raina O. V. (2019), The Russian language in modern Central and Eastern Ukraine, *Ethnopedagogical guidelines in a multicultural educational environment as the basis for the formation of ethnic tolerance. Collection of scientific articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference*, Cheboksary, September 27–28, 2019, (eds.) S. L. Mikheeva, O. A. Dimitrieva, Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University, pp. 47–52.
36. Manakov A. G. (2019), Spatial patterns in the transformation of the ethnic structure of the Russian population between the 1959 and 2010 censuses, *Geography and Natural Resources*, vol. 40, no. 2, pp. 106–114. <https://doi.org/10.1134/S1875372819020021>.
37. Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D., Maximova M. (2018), The Russian-speakers in the CIS countries: migration activity and preservation of the Russian language, *MATEC Web of Conferences*, vol. 212, art. no. 010005, 11 p. <https://doi.org/https://doi.org/10.1051/mateconf/201821210005>.
38. Sokolova E. O. (2018), The position of the Russian-speaking population and the status of Russian language in Baltic States, *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 7, no. 2 (23), pp. 415–419.
39. Zakirov A., Tashtemirov I. (2020), Sociolinguistic processes in modern Kyrgyzstan: monitoring and dynamics of development of languages after gaining independence, *Alatoo Academic Studies*, no. 2 (2), pp. 124–132. <https://doi.org/10.17015/aas.2020.202.14>.

Об авторе

Манаков Андрей Геннадьевич — доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3223-2688

Scopus Author ID: 7003929696

Web of Science ResearcherID: C-9332-2018

RUSSIAN AS A NATIVE LANGUAGE IN THE POST-SOVIET SPACE IN COMPARISON WITH THE RESULTS OF THE 1989 CENSUS

In the post-Soviet period, there was a significant narrowing of the Russian language distribution space. The aim of the study is to identify the changes that have taken place since the collapse of the Soviet Union at the level of the post-Soviet countries in the number and proportion of people who call Russian their native language. The novelty of the study is the calculation at the level of the regions of the post-Soviet space and the analysis of the dynamics of such an indicator as to the share of the non-Russian population who calls Russian their native language. Almost all post-Soviet states experienced a decrease in the number and share of the Russian-speaking population. Currently, the minimum indicators of the proportion of Russians and Russian-speaking people are characterized by the states of Transcaucasia, as well as Tajikistan, Uzbekistan, and Turkmenistan. The biggest losses in the post-Soviet period of both the Russian and Russian-speaking population, in relative terms, were experienced by Kazakhstan and Kyrgyzstan. A special dynamics of these indicators has developed in two states — in the Republic of Belarus and Ukraine. In these countries, the part of the bi-ethnic population that adopted the identity of the titular ethnic group retained the Russian language. Russian Russians, for example, have declined more rapidly in Ukraine than in the categories of people who consider Russian as their native language, and this has led to a decline in the number and share of the Russian population. The situation in the Republic of Belarus, which is unique in the post-Soviet space, was the result of the 1995 referendum that established the status of the state language for the Russian language. Russian Russian language as a result, along with the decrease in the Russian population in the Republic of Belarus, there has been a significant increase in the category of citizens who call Russian their native language.

Key words: Russian language space, post-Soviet countries, Russian share, Russian-speaking, biethnology.

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 20-05-00369 “Transformation of the Ethnocultural Space of Post-Soviet States: Factors, Trends, Prospects”.

About the author

Prof. **Andrei Manakov**, Department of Geography, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3223-2688

Scopus Author ID: 7003929696

Web of Science ResearcherID: C-9332-2018

Статья поступила в редакцию 18.02.2021 г.